

Владислав Кац

34.6

к 30

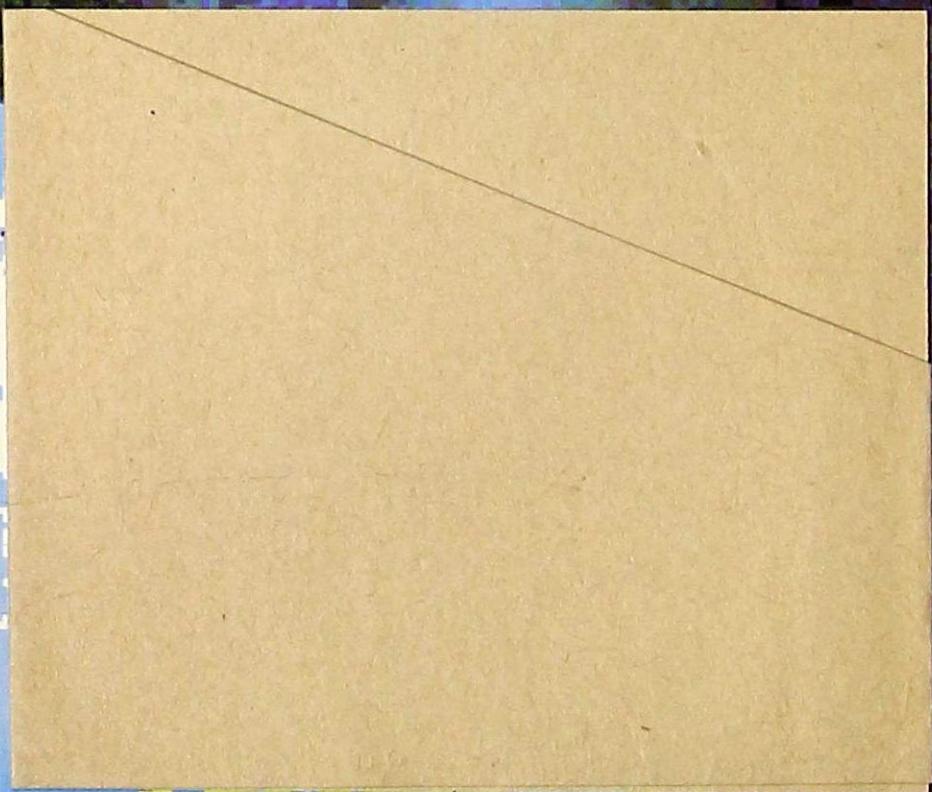
"Именно с Саратовом..."

ИЦ
"Добролет"
1998 г.

Именно с Саратовом связана
появление у меня болезни,
которой нет названия
в медицине, - неудержимой тяги
в небо, тяги к полетам.

Гагарин —

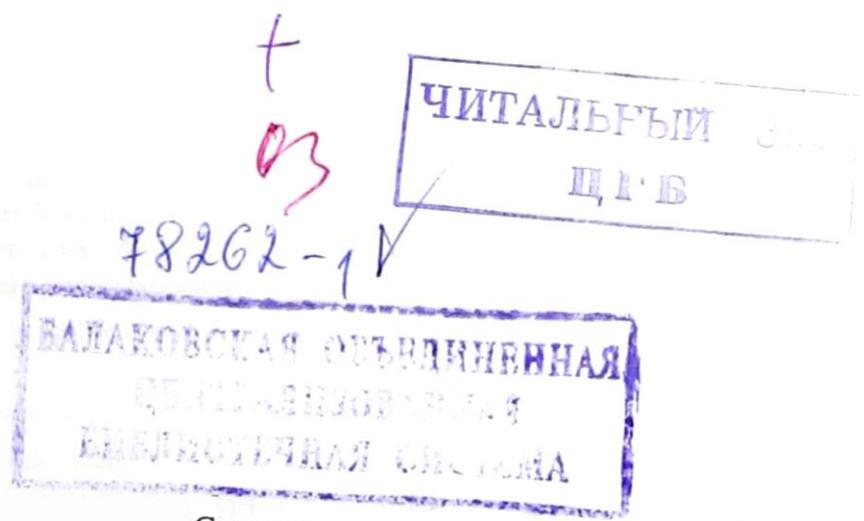
ОБ

39.6

к 30

Владислав Кац

“Именно с Саратовом...”

Саратов
ИЦ “Добродея” ГП “Саратовтелефильм”
1998

ББК 39.6Г(2)
К30

*Издание осуществлено при поддержке Министерства культуры
Правительства Саратовской области*

Кац В.И.

К30   "Именно с Саратовом...": Док. повесть. — Саратов: ИЦ "Добродея" ГП "Саратовтелефильм", 1998. — 112 с.

Документальная повесть о первом космонавте Земли Ю.А. Гагарине переносит читателя в послевоенный Саратов, где Юрий учился в индустриальном техникуме, где впервые, занимаясь в Саратовском аэроклубе, он поднялся в небо и где, спустя годы, приземлился после первого в мире космического полета.

К 2907000000 – 07
1998   без объявл.

ББК 39.6Г(2)

ISBN 5-89489-004-7

© ИЦ "Добродея" ГП "Саратовтелефильм", 1998
© Кац В.И., автор, 1998
© Восводин А.В., художник, 1998

Одно из удивительных свойств памяти — извлекать из далекого прошлого воспоминания о давно забытых, казалось бы, событиях и снова переживать связанные с ними обстоятельства так, словно все их участники еще окружают тебя и судьбы этих людей тесно связаны с тобой.

Юрий Гагарин

На улицах Саратова

Иногда ему казалось, будто время обратимо. В повседневной суете, смене континентов, стран, городов, событий и лиц он не раз ловил себя на мысли, что промелькнувшее секунду назад мгновенье было когда-то уже прожито им.

Он начинал перелистывать в памяти прошлое, добираясь до самых давних воспоминаний.

Крестьянские избы, разбитые проселочные дороги. Мальчишки купают в Клязьме лошадей. Подмосковные пейзажи. Поспешные сборы на рыбалку в предрассветный час. Военные аэродромы. Редкие загородные прогулки всей семьей...

В Париже снился Гжатск. В Лондоне он вдруг тосковал по Москве. На побережье Карибского моря вспоминал Волгу. Она так отчетливо выступала в памяти, как будто он только что кружился над ней или снижался под куполом парашюта. Сколько раз он видел Волгу с высоты. Любовался ее голубыми изгибами и Саратовом, смиренно вытянувшимся по ее правому берегу.

В Саратове Гагарина всегда тянуло на Волгу. Любил он бывать в районе речной пристани и, устроившись на корме дебаркадера, служившего причалом переправы, наблюдать игру волн, рыбаков, терпеливо ожидающих поклевки. Они часами цедили воду сетями, именовавшимися пауками. Приходили в восторг от попавшейся в сеть рыбешки.

Перекликались разноголосыми гудками речные суда. Плюхая по воде колесами, кренясь бортами, торопились к пристани пароходы. Прибывшие на них пассажиры, сойдя на берег, первым делом снимали обувь, чтобы не начерпать ею песок. От причала и дальше вверх приходилось идти по щиколотки в песке.

У воды, задрав острые носы, сгрудились самодельные лодки. Их здесь целая прорва. Владельцы лодок, вороватого облика мужички, промышляют перевозом пассажиров на острова. Там многие горожане имеют огороды и бахчи, так сказать подсобное хозяйство. Вот мужички и обслуживают огородников, естественно не за красивые глазки. Могут продать рыбу, хоть

живую, хоть вяленую. И осетрина отыщется. Бедовый народ. Пока нет пассажиров — режутся в “очко”, либо копаются в моторах. Двигатели на лодках стоят чаще всего ворованные, снятые со старых фронтовых полуторок, “ЗИСов”, “студебеккеров”.

Волга в этом районе была грязной, в разводах солярки и мазута. Песок вдоль берега омывался водой, а чуть дальше был замусорен отходами древесины и битым стеклом. За причалами громоздились завалы леса. Бревна распространяли знакомый с детства запах сырой древесины. Ребятишки лазали по бревнам, гонялись друг за другом, играли в прятки. Слышны были выкрикиваемые звонким голосом слова считалки: “На златом крыльце сидели. Царь. Царевич. Король. Королевич. Сапожник. Портной. Кто ты будешь такой?”

Эту считалку Гагарин помнил с детства. Предвоенным летом в Клушино с ребятами где он только не лазал. Схоронится, бывало, в сене за сараями, а сам через щелочку следит, как его ищут пацаны...

Саратовские ребятишки не только скакали по бревнам. Те, что чуть постарше, уже занимались делом — им некогда было бить баклушки. Возле остановки трамвая всегда можно было увидеть, как, ловко орудуя мохнатыми обувными щетками, мальчишки чистили обувь прохожим.

А еще вспоминались Гагарину бродячие фокусники, гадалки, которых он впервые увидел в Саратове. Обычно они удивляли народ в районе Верхнего базара. Тут столько собирались зевак! Иной раз такая толпа набежит, что попробуй пролезь. Кому не интересно узнать про свое будущее? Предсказатели, промышлявшие на подходах к базару, для большей убедительности работали с морскими свинками, во весь голос рекламировали их чудесные способности. Кто трешницы не пожалеет — тому свинка ловко своими лапками выхватит из ящика пакетик. Обычно люди сразу отходили в сторонку и, чтобы никто не подсмотрел, читали предсказание.

Тут же, у базара, китайцы торговали пестрыми игрушками из ячеистой бумаги, жужжалками, красочными мячиками на резинках. С государственной торговлей, предлагавшей к чаю подушечки, мармеладки, карамель, успешно конкурировали частники. У них нарасхват шли самодельные ириски. Их делали из подсолнечных семечек и жареного сахара.

Казалось, что семечки, каленые и сырые, лузгали едва ли не все жители города. Из кинотеатров после каждого сеанса выметали горы подсолнечной шелухи. В момент расхватывали и мороженое. Очереди выстраивались, как только телега, на которой развозили бочки с мороженым, останавливалась для разгрузки. Бочки были набиты льдом. Мороженое выковыривалось из емкостей столовой ложкой, затем набивалось в форму, откуда отпускалось порциями, напоминавшими по форме хоккейную шайбу.

Обойдя деревянные павильоны, в которых продавались рыба и мясо, можно было попасть на птичий рынок. Издалека слышались пересвисты и щебетанье. Ребятишки тянули родителей к забору, вдоль которого размещалась

лись вольеры, клетки, самодельные ловушки — цыпки, иной раз в два—три ряда. Пернатые не обращали внимания на собравшийся вокруг них народ. Для детей посмотреть птичек было все равно что в зверинец сходить. Кроме воробьев да голубей, какую еще птицу можно в городе увидеть? А тут каких только нет! Детям нравились птицы с пестрым опереньем, у знатоков птичьего пения были другие интересы.

Гагарин нередко заглядывал на птичий рынок. Его детство прошло в местах, где птичьи голоса звенели постоянно. По берегам реки, заросшим орешником и ольхой, гнездились птичьи стаи. Они беззаботно скакали с ветки на ветку, оглашая окрестности своим гомоном.

В Саратове первое время Гагарин не скучал по дому, по близким. К самостоятельной жизни давно привык. Правда, прежде, когда учился в ремесленном училище, он имел возможность на воскресенье съездить в Клязьму или Гжатск, навестить маму, сестренку, заглянуть к дяде Савелию.

Тогда все было близко. А вот из Саратова уже не наездишься. Поэтому он никогда не ленился писать, даже находил в этом удовольствие, обстоятельно делился своими новостями:

“Привет из Саратова! Здравствуйте, тетя Маруся, тетя Оля, Надя, Лida, Вовочка и Галочка. Привет всем остальным.

Сегодня у меня свободный вечер, и я решил написать вам и домой. В техникум я уже зачислен, еще 18-го нам об этом сказали.

С 15 по 17 сдавали пробу в мастерских. 18-го сообщили, что зачислены, и отправили в колхоз на два дня на работу. Этот колхоз расположен в 200 км от Саратова. Мы ездили на своей машине и помогали колхозникам вывозить хлеб на элеватор. Несмотря на засушливый год, хлеба в колхозе много. Овощей же и фруктов в Саратове немного, и они немного дешевле, чем в Москве. В этом году на овощи и фрукты повлияла засуха. Местные жители говорят, что жаркое лето бывает здесь очень редко. Жара сейчас стоит такая, что жарко ходить в одной рубашке. На небе почти не бывает облаков. За все время, сколько я здесь нахожусь (с 10-го по 23-е), выпал лишь один маленький дождь. Одно спасенье — сидеть в Волге. Я загорел так, что Наде теперь далеко до моего загара. Как на юге.

Сейчас помогаем в подготовке техникума к учебному году. Пишем лозунги и т.д. ...”

Не успел еще Юра как следует обжиться в Саратове, как однажды услышал по радио свою фамилию. Он бы не обратил внимания, если бы кто-то из ребят не воскликнул: “Слыши, Гагара, об тебе гутарят!” Все, кто в комнате находились, мгновенно навострили уши. Юра от удивления даже рот открыл. Гагарин, о котором сообщило радио, оказался Юриным однофамильцем, комбайнером Захаркинской МТС Пугачевского района Саратовской области. Он решил досрочно выполнить социалистическое обязательство.

На комбайне “Сталинец” взялся убрать триста гектаров хлеба и намолотить восемь тысяч центнеров зерна. Обком комсомола отправил Гагарину радиоприемник, комплект настольных игр и небольшую библиотечку произведений русской и советской литературы.

Юре приятно было услышать хорошие вести об однофамильце.

— Гляди-ка, выходит, гагары и в степях заволжских водятся, — пошутил кто-то товарищей.

Постепенно налаживался ритм новой жизни. День за днем Гагарин все привычнее чувствовал себя в новом городе. Город стоил того, чтобы относиться к нему с почтением. И если внимательно приглядываться ко всему — сделаешь немало открытий. Вот, например, такое.

Каждый день по три-четыре раза проходили Юра и его товарищи мимо Госбанка. Единственное, что привлекало их внимание, — тетка, похожая на матроса, с револьвером на поясе. Она обычно прохаживалась у ворот, выходивших на улицу Радищева. Больше вокруг вроде бы ничего интересного не было. В один из осенних дней, возвращаясь с занятий, Гагарин случайно остановился напротив банка. Он уже прошел ворота, где дежурила вооруженная тетка, когда его остановил инструктор ДСО “Трудовые резервы”. Пока они разговаривали, Юрий, неожиданно подняв голову, увидел перед собой настоящий шедевр литейного искусства. Наглоухо забитый вход в банк, им, наверное, уж сто лет не пользовались, украшал чугунный навес такой тонкой работы, что глаз не оторвать — просто чудо. Филигранное искусство. Творение настоящих мастеров. Как же он раньше не замечал этого?

В октябре началась подготовка к демонстрации. Приближалась очередная годовщина Великой Октябрьской социалистической революции.

Колонна индустриального техникума обычно собиралась на улице Сакко и Ванцетти. Строились по восемь человек в ряд. Гэ-гэ, такое прозвище носил Г.Г. Соколов, главный физрук техникума, из шкуры лез. Добиваясь безукоризненной выпрявки, армейского равнения и четкого прохождения колонны.

Открывали демонстрацию воины гарнизона. В числе первых на площадь Революции выходили суворовцы. После военных училищ шли слушатели военного медицинского факультета СМИ. Как оказалось, в одной из шеренг находился будущий летчик-космонавт Василий Лазарев. В 1973 году он отправится в свой первый космический полет на корабле “Союз-12”. Бортинженером вместе с ним полетит Олег Макаров, также саратовец.

Маршируя по площади, Гагарин, да и все его товарищи, чувствовали себя тоже причастными к воинской жизни. Колонна техникума не уступала военным.

Жизнь Юрия Гагарина с каждым месяцем становилась все напряженнее. Позже он и сам поражался, как много успел и много достиг в те годы, когда учился в Саратове. Казалось бы, после занятий и выполнения домашних заданий больше ничего не успеть. И все-таки Гагарин, как и его друзья,

старался не тратить время по пустякам. Тренировки, товарищеские встречи, соревнования — ко всему он относился серьезно. Находил время и читать, буквально глотал книгу за книгой: Диккенса, Гладкова, Толстого, Гюго, Федина, Лациса...

Гагарина в техникуме знали все и, главное, уважали. Его неугомонная натура постоянно искала что-то новое. Общежитие он изучил от подвалов до чердака и крыши, которую нередко тоже использовали в качестве читального зала. На крышу Гагарин забирался, едва стает снег и начнет нагреваться под солнцем металлическая кровля. Здорово! Загораешь и одновременно готовишься к экзаменам. Правда, у коменданта общежития на этот счет имелось свое мнение. Он не раз принимал “соответствующие меры”, дабы пресечь попытки прогулок на крышу. Тем не менее мальчишки все равно ухитрялись пробираться наверх. А пробираться приходилось по чердаку, затем — через слуховое окно. По крыше шагали осторожно, стараясь ступать по металлическим ребрам, соединявшим железные листы. Если оступишься, такой грохот может подняться — все общежитие сбежится.

Город сверху казался особенно аккуратным и чистым. Его звуки воспринимались еще более обостренно. Часы можно было не брать. По реву гудков городской электростанции — СарГРЭС — и хлебной фабрики Стружкина всегда можно сориентироваться во времени.

Иногда снизу доносился зычный голос: “Точу ножи, ножницы, бритвы, топоры!” Бородатый точильщик, которого некоторые ребята считали вором-наводчиком, привычно приступал к работе. Станок, который он таскал на спине, ставил на землю, равномерным движением ноги запускал точильный круг. Моментально сбегались ребятишки, чтобы посмотреть на летящие из-под металла искры, похожие на бенгальский огонь. Хозяйки затыкали уши, едва заслышиав визг металла о наждак. Но все же каждый раз обеспечивали его работой — точил мужик на совесть. Индустрини его услугами не пользовались, в мастерских была возможность не хуже обработать инструмент. Кое-кто из парней всегда при себе имел самодельную финку.

Заглядывали на улицу Мичурина и бродячие музыканты. Гагарину особенно запомнился один из них. Говорили, что, едва открывалась навигация на реке, он начинал гастроли по волжским городам. В каждом из них задерживался на неделю-другую. Единственный его багаж — разбитый старый футляр со скрипкой. В Саратов бродячий скрипач приезжал в середине лета. На базарах не работал, предпочитал играть для студентов, домохозяек и детей. Чаще ходил по дворам. Не кричал, не зазывал слушателей, а просто положит к ногам футляр и молча начинает настраивать скрипку. Народ почему-то всегда собирался. А нет — так он и для детишек сыграет. Задаром.

Чем-то облик бродячего музыканта вызывал симпатию, привлекал публику. Возраст его определить было трудно — может быть, за шестьдесят. А то и за семьдесят. Седые волосы до плеч, старенький затасканный пиджак. И глаза — необыкновенной синевы. Обычно к старости цвет глаз блек-

нет. А у него нет. Трудно сейчас сказать, хорошо ли он играл, мастером был или дилетантом. Многим он казался пришельцем из другого мира, как и его музыка. Отыграв, он раскланивался и начинал собираться. Из окон верхних этажей, с балконов летела вниз мелочь, завернутая в бумагу. Ребятишки наперегонки собирали деньги, складывали в футляр от скрипки.

Гагарин с удовольствием слушал бродячего музыканта, ждал его появления. Надо признать, интерес к музыке у Юры проявился давно. Анна Тимофеевна вспоминала, как однажды он увлекся игрой на трубе. Записавшись в духовой кружок, Юра явился домой с инструментом и сразу начал дудеть. А дудел он так упорно, что отец не выдержал, погнал его заниматься на воздух. Юра примостился на дровах у задней стены дома и продолжал осваивать инструмент. Оттуда его уже никто не гнал, зато, услышав в неурочный час знакомый сигнал, похожий на звук дудки пастуха, в сарае заволновалась, начала мычать — в поле проситься — коровенка Гагариных. Пришлось Алексею Ивановичу свой запрет снять. Вновь труба в избе запела.

Не знаем, много ли преуспел юный трубач в освоении музыкальной грамоты, или его увлечение было недолгим. Во всяком случае, близкие утверждали: чуть где Юра услышит барабанный бой, оркестровую музыку — сразу начинает подпевать. Видно, жила в его душе музыкальная струнка. Подтверждает это и история, рассказанная Михаилом Ивановичем Блохиным. Он работал руководителем духового оркестра в Доме культуры областного управления “Трудовые резервы” в Саратове. Размещался Дом культуры в старинном здании на улице Ленина, наискосок от суворовского училища. На первый взгляд здание от соседних домов ничем не отличалось. Но, как оказалось, дом этот необычный — некогда в нем собирались важные люди. До революции дом принадлежал губернскому дворянскому собранию. Просторный зал украшали колонны. Монументальные и стройные, сияя белизной, они уносились вверх к лепному потолку, который словно парил над рядами кресел. На весь Саратов то был единственный колонный зал. В таких апартаментах Гагарин прежде не бывал и, войдя, немного оробел.

В Дом культуры Юра пришел на вечер. У входа прочитал объявление. В нем говорилось о наборе учащихся ремесленных училищ в кружки: изобразительного искусства, баянистов и гармонистов, литературный и в хор мальчиков.

В это время послышалась музыка. Где-то в стороне, за стеной, духовой оркестр играл марш. Юра снова прочитал объявление. О духовом оркестре в нем ничего не сообщалось. Гагарин обратился к дежурному. Тот пояснил: мол, да, оркестр действительно имеется, но состав укомплектован полностью, и набор прекращен. Другой бы, возможно, ушел, успокоился. Юра так просто сдаваться не привык. Позвал Юру Костюченко, и вдвоем пошли к Блохину.

Блохин оказался в Саратове по несчастью. После землетрясения в Ашхабаде вынужден был начинать с нуля. Директор Дома культуры разрешил ему временно поселиться с семьей здесь, в той самой комнате, где он зани-

мался с оркестром. Михаил Иванович поклялся, что через четыре месяца оркестр будет выступать на вечерах.

Блохин выслушал друзей—приятелей, но обрадовать ничем не мог. Он лишь подтвердил, что желающих заниматься больше, чем имеется в наличии инструментов.

Увидев неподдельное отчаяние в глазах мальчишек, Блохин смилиствился.

— Ладно, — пробурчал он. — Рассказывайте, кто вы такие, чем вас так сильно привлекает оркестр?

Друзья оживились. Начали рассказывать, что уже раньше занимались музыкой, хотели играть в настоящем оркестре, как надеялись, мечтали, что они в кинотеатры ходят, только чтобы послушать выступающие перед сеансами эстрадные оркестры. Гагарин вспомнил, что еще в школе дудел.

— У нас не дудят. У нас играют, — сухо заметил Блохин.

Окончательное отношение к незванным гостям дирижер изменил, когда узнал, что перед ним будущие литейщики.

— Ишь ты, литейщики, значит, — с уважением произнес Михаил Иванович. — А я, представьте себе, тоже кое-что в этом производстве кумекаю. В прошлом — формовщик чугунного литья. Работал в Нижнем Тагиле, на металлургическом комбинате.

Помолчав с минуту, Блохин как бы заново оглядел парней.

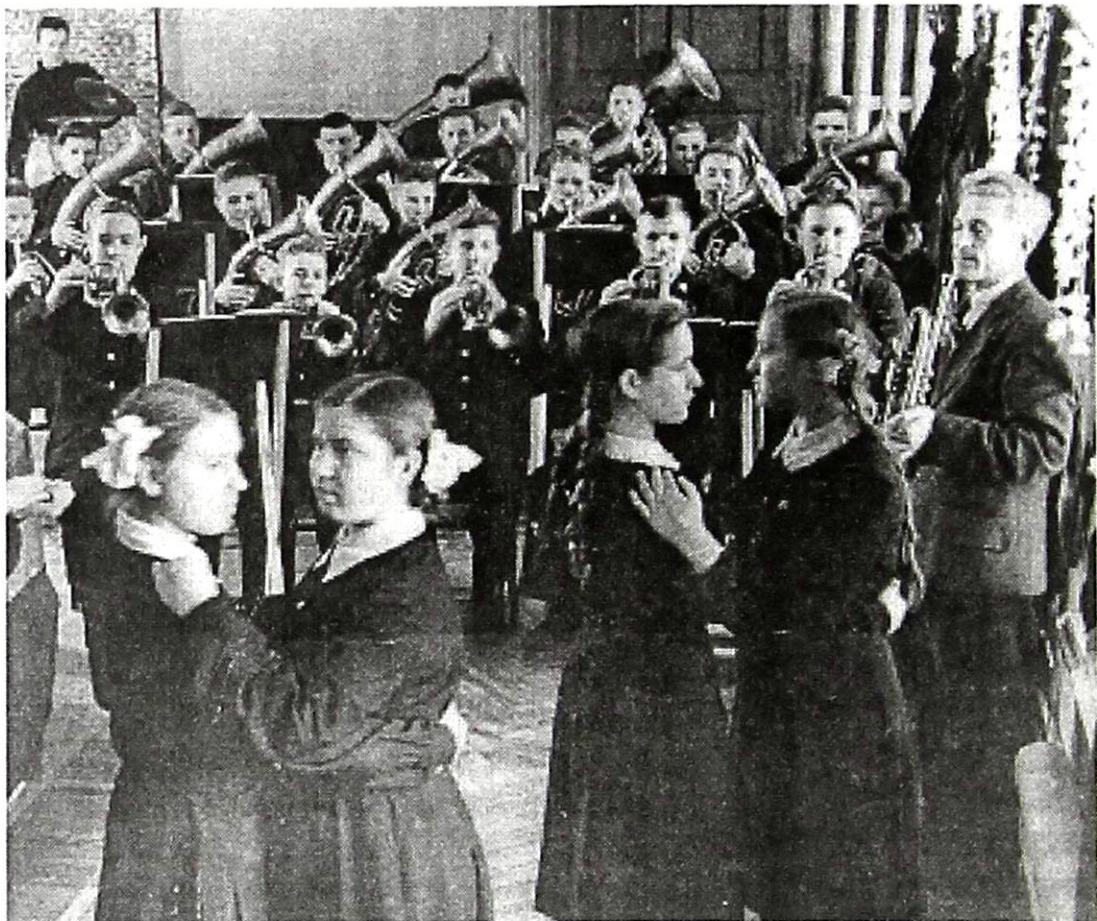
— Так. Раз уж вы оказались, так сказать, моими коллегами, попробую взять вас в оркестр. Может быть, что-то получится.

О своем посещении Дома культуры Гагарин не распространялся. Лишь когда на тумбочке рядом с его кроватью появилась труба, объяснил соседям, в чем дело.

— В общем, теперь нам всем труба, — беззлобно шутили ребята.

Юра не предполагал, насколько тяжким окажется освоение музыкальной грамоты. Блохин занимался с ними самозабвенно, но заставлял выкладываться. Не жалел ни себя, ни юных музыкантов. К слову сказать, в их числе оказались парни гораздо старше Гагарина. Отслужив в армии, они еще не успели заработать на одежду и на занятия приходили в шинелях, как, например, Леша Бурлаков.

Парни из шкуры лезли, чтобы запомнить и уяснить все, чему учил их Блохин. Он, следует признать, умел заставить поверить в себя. Люди на глазах преображались, понимая, что приобретают новую профессию — профессию музыканта. Не будем забывать, то был любительский духовой оркестр. Большинство мальчишек, занимавшихся в нем, были просто неграмотными, и для многих даже перспектива когда-нибудь играть в похоронном оркестре была пределом мечтаний. Незаметно для себя Юра так увлекся музыкой, что даже спортивные занятия на некоторое время ушли на второй план. Как он любил выражаться, “музыка со страшной силой заинтересовала” его. Он вспоминал, как однажды Анатолий Николаевич Дзя-

Незаметно для себя Юра увлекся музыкой. Даже спортивные интересы на некоторое время отодвинулись на второй план.

кович, один из уважаемых в техникуме людей, принес из дома патефон и пластинки. Музыка И. Дунаевского, А. Цфасмана, Я. Соморовского, М. Блантера покорила не одного Гагарина. Многие индустрики к тому же срочно спешили научиться под патефон танцевать. Иначе, считали они, жизнь пройдет мимо. И, наверное, были правы.

Обещание, которое Блохин дал, когда устраивался на работу, он выполнил. Оркестр получился. Он играл почти каждый день на разных площадках. Настоящим триумфом стало участие оркестра в празднике “Звени, наша юность!”. Правда, выступал оркестр уже без первого трубача Гагарина. Нет, он не охладел к музыке и не разочаровался в своем увлечении. Просто понял — нельзя обнять необъятное. Пора сосредоточиться на главном. А главным в ту пору для него стала авиация.

О том, довелось ли еще когда-нибудь Гагарину брать в руки трубу, к сожалению, упоминаний найти не удалось. Скорее всего, нет. Но, спустя несколько лет, медные трубы станут постоянными спутниками космонавта. Лучшие оркестры мира будут играть в его честь. На площадях, в аэропортах и на вокзалах. В королевских и президентских дворцах.

Оркестр, в котором Гагарин дебютировал как трубач, тоже станет известным. На Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве он завоевывает самые высокие награды. Блохина жюри признают одним из лучших дирижеров-духовиков. Именно Блохин будет дирижировать сводным оркестром на большом балу в Кремлевском дворце.

Сколько раз Гагарин видел над крышами домов или высоко в небе летящих голубей. В Саратове голубями увлекались многие. Даже в центральной части города голубятни и торчащие над ними крестовины встречались едва ли не в каждом дворе.

По соседству с общежитием, где жил Гагарин, голубей водил некий Митрич, работавший шофером в КЭЧ. А запомнился он всем потому, что его голуби поднимались в воздух не кругами, как это делают все остальные, они буквально столбом взмывали в небо. И потом спускались на крышу голубятни так же отвесно. Набрав высоту, эти птицы зависали на одном месте, словно жаворонки. От других голубятников Митрич отличался еще и тем, что обходился без махалки, длинной палки, вроде удилища, с тряпкой на конце. Гагарину и его товарищам это казалось каким-то чудом. Но расспрашивать Митрича что и почему они не решились.

Как-то раз комендант общежития организовал ребят на очистку территории от снега. Автомашину выделила КЭЧ. За рулем в кабинке полторки сидел Митрич. Гагарин, которого дали шоферу в подмогу, дорогой заговорил о голубях. А Митрич оказался таким увлеченным голубятником, каких Юра пока что не встречал. При расставании Митрич взял с парнишки слово, что тот придет к нему вместе с товарищами.

Апрель — самая пора выпускать голубей, восстанавливать их летнюю форму. Когда ребята пришли к Митричу, тот, словно капитан на мостике, стоял на голубятне. На скамье у забора сидел человек, которого индустрики давно заприметили. Они встречали его каждый день. Он ходил по тем же улицам, что и они, и не заметить его было невозможно. Одетый в летнюю куртку и мохнатые собачьи унты, он медленно передвигался, тяжело опираясь на трость и неловко выбрасывая ногу. Скорее всего, вместо ноги у него был протез — догадывались ребята.

Митрич гостям обрадовался, велел посидеть рядом с Юрием Ивановичем, пока он поднимет стаю.

Юрий Иванович жестом показал на скамейку. Сели. Вставив сигарету в наборный, ручной работы мундштук, Юрий Иванович заметил:

— У Митрича сейчас самая ответственная задача. Сортировка голубей перед выгоном. Вот он и смотрит, чтобы молодежь не попала в стаю. Иначе пропадут.

— Скажите, а что это за порода такая голубиная, с вертикальным взлетом? — задали гости давно интересовавший их вопрос.

— Николаевские тучерезы. Любовь и гордость моего друга. Поднимаются километра на полтора ввысь. А то и выше заберутся.

Парни недоверчиво переглянулись.

— Каким же образом можно определить высоту их полета?

Юрий Иванович затянулся, помолчал, потом, ткнув мундштук, словно указку, вверх, пояснил:

— Глядите и определяйте сами. Дело простое. Сейчас они поднялись на две сотни метров. С высоты шестьсот—семьсот будут величиной с бабочку. Когда взовьются на полтора километра, то сравнить их можно будет разве что с мерцающими звездами — то появятся точки, то исчезнут.

— Для них и полтора километра не предел, — уточнил спустившийся с голубятни Митрич. — Правда, в небе глазами их уже не ухватишь. Спасибо Юрию Ивановичу. Обеспечил меня германской оптикой, — добавил он и протянул гостям бинокль.

С того дня всякий раз, встречая на улице Юрия Ивановича, ребята приветливо здоровались с ним.

Весна набирала силу. Индустринки сняли шинели, шастали по городу в своих черных кителях с петлицами. Однажды Гагарин увидел Юрия Ивановича, как всегда неуклюже шагавшего навстречу. Он был без куртки. Над двумя рядами орденских планок поблескивала Золотая Звезда. Это было так неожиданно, что Юра растерялся.

В общежитии он сразу же рассказал об этом товарищам. Почему-то все решили, что Юрий Иванович был на войне летчиком. После ужина отправились к Митричу. Попросили его рассказать о друге. Вот что они тогда узнали.

Юрию Ивановичу Пыркову еще не исполнилось тридцати. Жил он в двухэтажном доме рядом с воротами стадиона “Динамо”. Работал преподавателем в авиационном техникуме. Летать начал еще до войны, в местном аэроклубе. Потом — учеба в Энгельсской школе пилотов. Оттуда ушел на фронт. Девятнадцатилетний летчик Пырков первые бомбы на вражеские объекты сбросил в районе Амвросиевки. Вражеские зенитки достали его год спустя, под Севастополем. Пырков и его однополчане нанесли удар по артиллерийским позициям гитлеровцев в районе Сапун-горы. Погиб стрелок-радист, получил повреждения самолет. Через три месяца Пырков снова попал под обстрел. На одном моторе довел до аэродрома свой Пе-2, благополучно посадил.

За две недели до Победы полк получил задачу — разрушить вражеский форт номер 6 в Пиллау. Там самолет Пыркова при выходе из пике был подбит прямым попаданием снаряда. Осколок перебил Пыркову бедро. Он пришел в себя, когда до земли оставалось несколько десятков метров. Сумел прекратить беспорядочное падение самолета и снова потерял сознание от большой потери крови. Если бы штурман не догадался разбить прицелом стекло кабины, погибли бы все три члена экипажа. Свежий глоток воздуха, ворвавшегося в кабину, привел летчика в чувство. В полуబессознательном состоянии он посадил машину на аэродром.

О присвоении ему звания Героя Советского Союза Пырков узнал в госпитале. К тому времени дело уже шло на поправку. Ногу ему ампутировали сразу, едва доставили с аэродрома.

С протезом возились долго. Когда подогнали и Пырков впервые встал на три точки, думал никогда не научится ходить. Не было сил отложить кости, сделать первый шаг самостоятельно.

Научился. Заставил себя ни в чем не уступать здоровым мужикам. Поступил в институт, лихо водил машину, отлично плавал. Завел себе моторную лодку, на которой путешествовал по Волге—матушке. Мечтал, как до войны, погонять голубей, да на протезе так и не смог взобраться на голубятню. Он часто заглядывал к Митричу, бывшему фронтовому шоферу. Вместе отводили душу — любовались, как парят высоколетные николаевские тучерезы...

Спустя годы, можно сказать, новая война обрушилась на Пыркова. Теперь его врагами окажутся директор техникума и его приспешники, которые начнут против него массированную атаку. Пыркова доведут до предела унижениями и хамством. И за что? За то, что инвалид первой группы, Герой Советского Союза посмеет ставить свой автомобиль во дворе дома.

Так случится, что в тот самый день, когда космонавт Юрий Гагарин приедет в Саратов, чтобы встретиться со своими наставниками и друзьями, Пыркова уволят с работы “за профнепригодность”. Так распорядился чиновник, не пожелавший видеть под окнами своей квартиры машину Пыркова.

Юрий Иванович умрет, не дожив до пятидесяти лет.

Еще на первом курсе, после сдачи литейной пробы, мастер посоветовал ребятам почтче приглядываться к своему городу во время прогулок, особенно к оформлению старых домов. Вскоре ребята убедились: действительно, выполненные методом литья балконы, карнизы, кронштейны и лестницы украшали многие фасады.

Потихоньку и Юрий втянулся в эту “охоту” за чугуном. В старой части города все дома отличались один от другого: то необычной формы оконными проемами, то массивным крыльцом, то резными карнизами. Здесь встречались то сирены, то оскалившиеся кариатиды. Встречались дома, украшенные нарезным орнаментом и лепными узорами, изображающими сцены и фигуры, мифических животных. В провинциальном Саратове тогда применялись и цветные изразцы, и цветной кирпич. Достаточно было не спеша пройти по улицам, проложенным между Волгой и железнодорожным вокзалом, чтобы убедиться, насколько широко использовалось в начале века литье. Возле ворот и подъездов присутственных мест обязательно имелись невысокие, но массивные столбики. К ним привязывали лошадей. На крышках канализационных и водопроводных колодцев, изготовленных дореволюционными литейщиками, красовался герб Саратова — три стерлядки. Наиболее часто фигурные изделия из чугуна встречались на балкон-

ных ограждениях. Лестничные марши, радующие глаз основательностью и вместе с тем изяществом, были почти в каждом учебном заведении.

Индустринам повезло с общежитиями. Оба располагались недалеко от Волги. До берега напрямую пять минут ходьбы. Правда, купаться здесь не разрешалось. Прибрежная зона была территорией различных предприятий.

Сразу же за подъездными путями, шедшими вдоль берега, выселились коричневые завалы из соли. Порожние товарные составы, поданные под загрузку, нередко надолго перекрывали путь к реке. Круто спускавшаяся вниз улица именовалась Провиантская. Зимой здесь резвились ребяташки. Устраивали гонки на санях и самодельных буерах, которые мастерили из досок и коньков. Автомашины не в состоянии были осилить подъем по льду, и ребяташки катались на Провиантской без опаски.

Летом по обочинам булыжной мостовой разрастались кусты желтой акации. Из ее стручков мальчишки делали свистелки.

На пустырях за ветхими домишками, в глубине двора за общежитием созревала дикая ягода поздника. Местные жители использовали ее в качестве начинки для пирогов.

Дорога из общежития в техникум проходила через пять улиц. Расстояние небольшое. И все-таки времени частенько не хватало. Чтобы не опаздывать на занятия, приходилось “срезать углы”, то есть идти напрямую через дворы. Перемахнул два забора — и в техникуме, причем попадешь туда с тыла, в обход дежурных.

Гагарин нечасто, но тоже пользовался коротким маршрутом.

Индустринки старались красиво носить свою форменную одежду. Чтобы все на них было подогнано, отутюжено. Пример брали с преподавателей-фронтовиков.

По утрам через распахнутые окна в комнаты общежития вместе с ранними лучами солнца врывалась и музыка улиц. Среди ее звуков вместе с лаем собак слышались петушиные крики. Юра уже отыскался от всего этого. Изголодавшееся за войну население Гжатска никакой живности в своем хозяйстве не имело.

Вообще вся атмосфера саратовской жизни была ему по душе. Единственное, чего всегда не хватало, так это еды. Так сказать, в качестве дополнительного питания ребята нередко использовали продукцию завода комбикормов. Там производили колоб, и эти прессованные куски подсолнечного жмыха часто заменяли ребятам лакомства. А в магазинах и на рынке дразнили аппетит разнообразные колбасные изделия. Коляска ливерной колбасы воспринималась индустринками как деликатес.

Нередко, закалымив на погружочно-разгрузочных работах, парни позволяли себе полакомиться пирожками. У речного вокзала всегда были в продаже аппетитные пирожки, с ливером, с курятиной. Стоили они копейки. Дешево и сердито.

*Индустреки
старались
с шиком носить
свою форменную
одежду.*

Купят парни по полдюжине пирожков на брата и жуют. Запивали пирожки газировкой. Ее продавали на улицах с тележек. Сaturаторные установки для производства газированной воды требовали физических усилий. Индустреки всегда рады были предложить свои услуги — так накрутят рукоятку, что вода кипит от газа. И продавщице облегчение, и ребятам удовольствие.

Возле общежития на асфальте постоянно прыгали дети. То они, расчертив мелом тротуар, играли в классики, то громко считались, кому водить в прятки. Мальчишки постарше, укрывшись от родительских глаз в глубине двора, крутили в “орлянку”, в биток — на деньги. Гагарина в округе знали многие старшеклассники, увлекающиеся спортом. Общежитие находилось как раз между двумя школами, мужской и женской. Спортсмены из индустриального техникума, особенно разрядники, были для молодежи кумирами. Их уважали за смелость. За умение постоять за себя в уличных стычках

Невысокий рост не помешал Гагарину стать капитаном баскетбольной команды.

со всякого рода блатными и приблатненными, что мотались кодлами по проспекту и танцевальным площадкам. Шпана индустриков боялась.

Довелось Гагарину поработать и в пионерском лагере. Его направили туда физруком. Ребята подобрались шустрые, детдомовские. Скучно никому не было. Товарищ Юра умел занять своих юных пионеров. Турпоходы, сбоязания между отрядами по легкой атлетике, товарищеские встречи с командами соседних лагерей по волейболу — все у Гагарина получалось. Не зря Гэ-Гэ Соколов считал его прирожденным физкультурным работником и не раз предлагал перейти в ТФК — физкультурный техникум.

Повезло пионерскому лагерю и с музыкальным работником. Слепой баянист, можно сказать, сутками готов был играть. Столько песен ребята выучили. Про чибиса, про юного барабанщика, про картошку.

Иногда, дождавшись, когда дети заснут, пионервожатые, физрук и баянист собирались у костра. Тут уже звучали другие песни, все больше о гла-зах, встречах, улыбках...

Проработав в лагере все три смены и возвратившись в город, Гагарин попал, как говорится, в атмосферу танцевального упра. Своего пика танцевальный сезон в Саратове достиг к началу сентября. Музыка звучала всюду.

Танцплощадок явно было недостаточно. Подчас танцы устраивались на улице под радиолу. Прибавилось работы сапожникам. Наиболее темпераментные танцоры ухитрялись за полторы — две недели протореть обувь до дыр. С танцевальными вечерами было связано столько переживаний, разочарований и любовных надежд. Как и все, пережил это и Юрий Гагарин. Это должно было случиться.

Была ли девушка натурой столь же цельной, как Гагарин, сказать трудно, известно, что была она сиротой. Воспитывалась в детском доме. Очень любила вышивать. Тогда многие увлекались рукоделием. Если мужские общежития напоминали казармы, то у девушек в комнатах царил уют. Все, что только можно было украсить — от наволочек до салфеток, — все покрывалось вышивкой.

Юра был так увлечен, что даже выучил наизусть несколько стихов запрещенного в ту пору Сергея Есенина.

А девушка внезапно покинула Саратов. Говорили, будто нашлись ее родители, потерявшие свою дочку во время войны.

Танцевальный сезон, тем не менее, продолжался.

Субботними вечерами общежитие было пустым. Все уходили на танцплощадки, ближайшая находилась в "Липках". В "Собачьих липках", в сквере около Дома офицеров, была соседняя. Между ними, на Коммунарной площади, находилась пожарная часть. Танцоры часто шутили, что такое соседство не случайно: сердечный огонь мог вызвать опасный пожар.

В индустриальном техникуме одна группа состояла только из девушек. Они занимались на отделении обработки металлов. Парни из техникума опекали их даже на танцах. Оберегали от не в меру назойливых ухажеров. Под высокими древними каштанами на деревянных настилах кружились пары под звуки "Кариоки", "Рио-Риты", старинных вальсов. До май возвращались разгоряченные, шумные, к тому же изрядно голодные, поскольку ужин протанцевали. В эти часы автофургоны начинали развозить по магазинам хлеб. Аромат только что испеченного хлеба вызывал спазмы в желудках. Если у танцоров оставалась в карманах мелочь, устраивали складчину. Помашут шоферу, он притормозит и продаст пару теплых буханок. Грех жаловаться.

С наступлением арбузного сезона у индустриков появлялись новые заботы. Арбузные эпопеи, наверное, по сей день памятны всем, кто в них участвовал.

Основными поставщиками арбузов считались Камышин, Ровное, Золотое. Доставляли их также из Астрахани, Антиповки, Быково. Самоходки и пароходы начинялись арбузами от трюмов до верхней палубы. Неутомимые баркасы "Землячка" и "Вуокса", натужно кряхтя, подводили к берегу двухсоттонные баржи. Не брезговали заниматься перевозкой арбузов и капитаны солидных рейсовых пароходов.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>На улицах Саратова</i>	
	3
<i>Тяга к полетам</i>	
	21
<i>Парашютная наука</i>	
	42
<i>Объект «Восток»</i>	
	65
<i>«Вижу Волгу»</i>	
	75
<i>«Космический причал»</i>	
	107

Общественно-политическое издание

Владислав Иосифович Кац

“Именно с Саратовом...”

Документальная повесть

Редактор *O.Казакова*

Технический редактор *Л. Борисова*

Корректор *Т. Краснова*

Компьютерная верстка — *А. Коваль*

Издательская лицензия ЛР № 040787 от 15.11.96 г. Сдано в набор 21.10.97.

Подписано в печать 08.01.98. Формат 60×90 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная.

Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 7. Уч.-изд. л. 8,3.

Тираж 3000 экз. Заказ

Издательский центр “Добродея” ГП “Саратовтелефильм”.
Саратов, 2-я Садовая, 7. Тел.: 25-85-50, 25-26-54.

Саратовский полиграфический комбинат. Саратов, ул. Чернышевского, 59.

Именно с Саратовом связано
появление у меня болезни,
которой нет названия
в медицине, — неудержанной тяги
в небо, тяги к полетам.

Гайдамак —

11p36n

